

А.Л.Чернышев

Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки

В статье анализируется феномен политизации этничности в Латинской Америке в последней четверти XX в. на фоне процессов глобализации. Несмотря на культурную интеграцию и распространение либеральной демократии, этничность, раса, национализм заняли во всем мире прочное место в политическом дискурсе как на государственном, так и на субгосударственном уровнях. В Латинской Америке с начала 1970-х годов индейская идентичность была осознана как мощный ресурс политической борьбы, выразившейся в росте протестной активности, формировании индейских политических партий и их участии в электоральных процессах, требованиях автономии и вооруженном сопротивлении.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, политизация этничности, индейские организации, культурный плюрализм.

В последние несколько десятилетий XX в., несмотря на кажущееся торжество глобализации, а вместе с ней культурной и религиозной интеграции, заявлений о неизбежности повсеместного распространения «общечеловеческих ценностей» и либеральной демократии, оборотной стороной этих процессов стали рост по всему миру межэтнической напряженности и проявления политизации этничности. Этничность, национализм и схожие формы самосознания на протяжении XX в. играли все более значимую роль как во внутренних делах государств, так и в глобальных политических процессах, и этот тренд признается многочисленными авторитетными авторами. Исследования показывают, что количество этнических войн устойчиво росло с 1946 г., а пик его внезапного увеличения приходится на начало 1990-х годов¹. К счастью, среди иллюстраций этого тренда — не только кровавые вооруженные конфликты², но и рост легальной политической активности этнических организаций, ставшей возможной в результате демократизации и институциональных реформ во многих странах мира.

Алексей Львович Чернышев — сотрудник редакции журнала «Латинская Америка» (chernyshev.latam@gmail.com).

Хотя в Латинской Америке этнические конфликты случались значительно реже, нежели в других уголках мира³, эта общемировая тенденция не обошла стороной регион, где с начала 1970-х годов индейская идентичность стала мощным ресурсом политической борьбы. Это выразилось в росте протестной активности, формировании индейских политических партий и участии в электоральных процессах, требованиях автономии и даже вооруженном сопротивлении. Здесь и индейско-крестьянское движение 1970—1980-х годов в Мексике, начавшее, по выражению аргентинского политолога Андреса Сербина, «проецировать этничность в политическую плоскость»⁴, и мобилизация чилийских мапуче в 1971 г., в ходе которой ими были захвачены 300 тыс. га «исконных земель»⁵, и мятеж эквадорских кечуа 1990 г., вошедший в историю под названием Инти-Райми (Inti Raymi — «праздник Солнца» на языке кечуа), и вооруженное восстание мексиканских майя в 1994 г. под руководством Сапатистской армии национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), и формирование индейско-рабоче-крестьянского блока Движение к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS) в Боливии, в 2006 г. пришедшего к власти в стране.

Анализ этого интереснейшего, но малоизученного в нашей стране явления, позволившего говорить об «индейском ренессансе» в Латинской Америке, полезен для понимания причин взрыва этничности как глобальной тенденции.

ВЗРЫВ ЭТНИЧНОСТИ — ПРОДУКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

Интересным является тот факт, что рост межэтнической напряженности по всему миру оказался довольно неожиданным явлением. Действительно, по мнению ряда ученых, такие «первобытные явления», как этничность и национализм, должны были отойти на второй план, а затем и вовсе раствориться под воздействием модернизации, индустриализации и распространения индивидуализма. Американский антрополог Джон Комарофф констатирует ошибочность евро-американской теории национального государства: «Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания, делавшиеся слева, справа и из центра, об отмирании культурного плюрализма в конце XX в. Нам говорили, что всем «исконным» культурным привязанностям придется окончательно исчезнуть под влиянием «современности», возмужания национального государства и глобализации индустриального капитализма»⁶.

Как видим, ничего подобного, однако, не произошло. Такие понятия, как этничность, раса, национализм, не отошли на второй план, а, напротив, заняли прочное место в политическом дискурсе как на государственном, так и на субгосударственном уровнях. Следует признать, что определение этничности остается одним из самых сложных вопросов в общественных науках, причина чего во многом кроется в субъективном характере этнического самосознания. Отечественный этнолог Валерий Александрович Тишков писал, что этничность — это форма социальной идентичности, имеющая субъективную природу и являющаяся «коллективным чувством

социальной принадлежности и высшей формой лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение»⁷.

Анализ этничности осложняется также и тем, что национальные и этнические чувства чрезвычайно размыты и переменчивы, и, как справедливо отмечает профессор Лондонской школы экономики Джон Бройи, историки избирают их в качестве объекта для изучения только тогда, когда эти чувства мобилизуются под влиянием политического движения⁸. Кроме того, в зависимости от ситуации понятие нации может выполнять различные и даже противоположные функции: оказавшись в руках доминирующих групп, оно поддерживает застой и реставрацию, а в руках угнетенных групп — это оружие перемен и революции⁹.

Мы исходим из предположения о том, что взрыв этничности в конце XX в. является не только обратной стороной процессов глобализации, но и в значительной степени спровоцирован ими. Дж. Комарофф так объясняет эту ситуацию: «Страны становятся частями обширной и интегрированной общепланетарной мастерской, и по мере того, как это происходит, их граждане восстают против неизбежной утраты своего неповторимого лица и национальной суверенности. На всем пространстве от бывшего СССР до Боснии и Канады люди требуют права на выражение своего собственного этнического самосознания»¹⁰.

Признавая важность права на культурную самобытность, мы все же считаем, что взрыв этнического самосознания нуждается в более рациональном объяснении. Вряд ли «размытые» этнические чувства столь самоценны, чтобы спровоцировать целые сообщества на коллективное сопротивление глобализации, нередко приобретающее насильственные формы. Кроме того, утрата самобытности под воздействием глобализации происходит не в одночасье, этот процесс зачастую неуловим, поэтому объяснением может послужить некий переломный момент, носящий более «концентрированный» и болезненный для данного сообщества характер, что в свою очередь обеспечивает легитимность интеллектуальным конструктам о необходимости сопротивления и сохранения самобытности.

Более прагматичной представляется социально-экономическая подоплека взрыва этничности. В.А. Тишков выделяет в качестве одной из причин этой тенденции «стремление устранить исторические, социально-политические несправедливости, накопившиеся за долгие годы существования колониальных империй и неоколониалистской политики в отношении многих народов, дискриминации расовых или этнорелигиозных групп населения многонациональных государств»¹¹.

Процессы глобализации не только создают дополнительные возможности социально-экономического прогресса, но и порождают новые риски для государств (в первую очередь экономически «слабых») и уязвимых групп населения, в частности, создается угроза углубления диспропорций в развитии различных регионов мира, неравенство воспроизводится на глобальном уровне и усугубляется в рамках каждого отдельного государства. Одно из последствий глобализации, по словам американской исследовательницы Саскии Сассен, заключается в том, что некоторые госинституты, формально оставаясь национальными, более не ставят перед собой классические кейнсианские задачи по укреплению национальной экономики и увеличению национальной потребительской способности¹². Сворачивание

государственных программ угрожает наиболее уязвимым социальным группам, из-за отмены протекционистских мер под ударом оказываются малые производители. Под воздействием этих факторов и общество как таковое перестает быть социальным проектом, а государство сводится к территории и рынку, определенным извне¹³. При этом угроза утраты своей этнонациональной идентичности при ослаблении защитных сил государства заставляет каждый этнос укреплять собственные «границы»¹⁴.

Получается, что вопреки распространенному мнению о том, что глобализация разрушает культурные идентичности, она фактически способствует обострению этнических чувств. Английский социолог Джон Томлинсон высказывает мысль о том, что идентичность — не хрупкий цветок, который глобализация вот-вот растопчет, а растущая мощь локальной культуры, оказывающая, пусть и в обилии форм, подчас неорганизованно и политически реакционно, сопротивление центробежным силам капиталистической глобализации¹⁵. То есть по сути консолидированная, усилившаяся культурная идентичность — скорее продукт глобализации, нежели ее жертва. Примерно ту же мысль высказывает известный испанский социолог Мануэль Кастельс: «Главным противодействием силам глобализации являются повсеместные мощные проявления коллективной идентичности, бросающие вызов глобализации»¹⁶.

ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Латинская Америка — регион, где неолиберальная глобализация встретила, пожалуй, самое серьезное в мире сопротивление, причем как на уровне государств, так и на уровне локальных культур. На государственном уровне неолиберальной глобализации противостоит растущее стремление отдельных стран защитить экономический суверенитет. В Латинской Америке такую политику проводят страны так называемого «социализма XXI века»: Куба при Фиделе (1959—2008) и Рауле Кастро (2008 — н/в), Венесуэла при Уго Чавесе (1999—2013), а затем Николасе Мадуро (2013 — н/в), Боливия при Эво Моралесе (2006 — н/в), Эквадор при Рафаэле Корреа (2007 — н/в), Никарагуа при Даниэле Ортеге (1985—1990, 2007 — н/в).

Взрыв индейской идентичности в регионе также следует рассматривать через призму сопротивления неолиберальной политике государств. В Манифесте Инти-Райми прослеживается протест против неолиберального курса президента Эквадора Родриго Борхи (1988—1992), который «не выполнил предвыборных обещаний и раздал крестьянам лишь клочки земли, которые впоследствии были загрязнены нефтяными компаниями. Аграрная реформа стоит на месте. Власти проводят политику, разработанную монополистами и МВФ»¹⁷.

В Мексике резкий рост политической активности индейского населения приходится именно на период драматичной смены модели социально-экономического развития, когда с середины 1970-х годов власти пошли по пути неолиберальной трансформации. В ходе масштабных структурных реформ, нацеленных на модернизацию сельскохозяйственного сектора, были свернуты государственные программы, что в первую очередь ударило по индейцам-крестьянам¹⁸, а затем осуществлена реформа ст. 27 Конституции, открывшая возможность приватизации и купли-продажи земель,

находившихся в общинном владении индейских общин. Важно отметить, что еще в середине 1990-х годов примерно для 70% мексиканских крестьян были характерны общинные формы владения землей¹⁹. Эти процессы в значительной степени объясняют всплеск протестных настроений в крестьянских районах Мексики и появление многочисленных организаций, поднявших знамя борьбы за политические, экономические и культурные права индейских народов. Среди них — Рабоче-крестьянская студенческая коалиция перешейка (Coalición Obrero Campesina Estudiantil del Istmo, COCEI), Комитет защиты человеческих и культурных ресурсов михе (Comité Pro-Defensa de los Recursos Humanos y Culturales Mixe, CODREMI), Союз общинников «Эмилиано Сапата» (Unión de Comuneros Emiliano Zapata, UCEZ), Движение объединения и борьбы трики (Movimiento de Unificación y Lucha Triqui, MULT), Совет народов науа Альто-Бальсас (Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas, CPNAB) и др.

Интересно отметить, что реалии Мексики не способствовали формированию сильных индейских политических партий, в то время как в ряде других стран Латинской Америки партии, позиционирующиеся как индейские, активно включились в электоральную борьбу и даже добились значительных успехов: MAS в Боливии, Движение многонационального единства «Пачакутик» (Movimiento de Unidad Plurinacional Pachakutik, MUPP) в Эквадоре, Индейский социальный альянс (Alianza Social Indígena, ASI) в Колумбии и др. Лидер MAS Эво Моралес в 2002 г. занял второе место, а в 2005 г. одержал историческую победу на президентских выборах. Представители MUPP с 1996 г. входят в Национальный конгресс Эквадора, поддержка этой партии существенно помогла победить на президентских выборах Лусио Гутьерресу (2003—2005) и Рафаэлю Корреа.

В Мексике же большинство индейских организаций взяли курс на получение автономии, который был встречен государством в штыки в связи с рисками *балканизации* и утраты государством контроля над целыми районами. Следует признать, что, хотя угроза сепаратизма применительно к разрозненным индейским общинам и не является столь осязаемой в силу их малочисленности, исторической маргинальности и отсутствия притязаний на власть, опасения правительства, вероятно, были связаны с тем, что автономные индейские общины получили бы мощные юридические и политические ресурсы защиты и сопротивления в случае конфликтов с государством из-за земель и природных ресурсов. Резонансные индейские акции протеста последних лет против строительства трассы через Индейскую территорию и национальный парк Исиборо—Секуре в Боливии, против нефтедобычи в Эквадоре и Перу²⁰ свидетельствуют о том, что индейские общины — весьма неудобный для переговоров социальный актор, который далеко не всегда разделяет государственные проекты развития.

Этот факт в полной мере подтвердило и восстание EZLN в 1994 г. против неолиберального курса правительства и, в частности против вступления в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), которое, по словам самих сапатистов, было «смертным приговором бедным индейцам-крестьянам»²¹. Несмотря на то, что вооруженная борьба как форма социального протеста во всем мире стремительно утрачивала свою значимость на фоне демократизации, «анахроничное» восстание сапатистов в Чьяпасе с симпатией было встре-

чено значительной частью мексиканцев и международного сообщества. Видный американский политолог Самюэль Хантингтон отмечал, что восстание EZLN само по себе не было проявлением серьезного сопротивления «североамериканизации», но то «сочувствие, с которым к нему отнеслись мексиканские интеллектуалы, журналисты и другие люди, формирующие общественное мнение, говорит о том, что североамериканизация в целом и NAFTA, в частности, могут встретить активное неприятие мексиканской элиты и общественности»²².

Ряд авторов отмечает, что EZLN, известная сегодня как индейская партизанская армия, первоначально, по крайней мере в первом публичном коммюнике — в Декларации Лакандонской сельвы, позиционировала себя не как этническое движение, а как «революционная армия»²³. Мексиканский исследователь Фернандо Эскаланте Гонсальбо утверждает, что «в своих первых заявлениях EZLN была герильей марксистского толка, в ее программе и риторике не было ничего индейского»²⁴. Позже взятая на вооружение индейская идентичность стала одним из факторов относительного успеха сапатистов: на фоне интеллектуальной атмосферы конца XX в., в которой право на культурную отличительность было общепризнанным²⁵, она обеспечивала легитимность их борьбы в глазах мексиканского общества и всего мира, что, в свою очередь, не позволяло федеральным войскам вести войну на уничтожение партизан и вытесняло противостояние в политическую плоскость.

Неслучайно индейская идентичность герильи с самого начала подверглась сомнению мексиканским правительством. Стремясь сохранить образ стабильности, власти безуспешно пытались приписать происходящее иностранному влиянию из Центральной Америки и развеять «миф» об этнокультурном характере движения²⁶. Такая позиция была крайне удобна правительству: она не только снимала с него ответственность за социальные причины восстания, но и, лишая EZLN легитимности, оправдывала силовую реакцию. А без поддержки и пристального внимания международного сообщества конфликт в Чьяпасе, вероятно, свелся бы к обычному противостоянию между партизанами и армией, в котором у небольшой и плохо вооруженной EZLN не было бы никаких шансов. Этот пример наглядно демонстрирует значение политического ресурса этничности даже для вооруженных форм борьбы. Показательно, что в соседних с Чьяпасом штатах Оахака и Герреро — зоне другого конфликта — сложилась совершенно иная ситуация: партизанская Революционная народная армия (Ejército Popular Revolucionario, EPR), не прибегшая к политизации этничности и не пользовавшаяся столь широкой поддержкой гражданского общества из-за исключительно социальных требований и бескомпромиссной приверженности вооруженной борьбе, была практически разгромлена; там велись полномасштабные боевые действия²⁷.

В последней четверти XX в. под воздействием мобилизации индейских этнокультурных движений, а также эволюции международного законодательства особые права индейских народов, в том числе на автономию, были признаны в конституциях многих стран Латинской Америки. Среди

них — Никарагуа (1987), Колумбия (1991), Венесуэла (1999), Эквадор (2008), Боливия (2009)²⁸. Однако даже такие страны «социализма XXI века», как Эквадор и Боливия, взявшие высокую планку в подходе к индейской проблематике, зачастую сталкиваются с серьезными противоречиями между задачами развития, характерными для обществ *западного типа*, и ценностями индейских общин.

В последние годы на фоне реформ и заявлений о защите прав индейских народов правительства региона в соответствии с политикой государственного прагматизма стремятся развивать те отрасли экономики, в которых их страны имеют конкурентные преимущества, даже если это создает риски для индейских общин. В Мексике, например, одновременно с заявлениями президента Энрике Пеньи Ньето (2012—н/в) о недопустимости дискриминации индейцев²⁹ была принята энергетическая реформа, угрожающая индейским общинам выселением и экспроприацией земель для добычи природных ресурсов³⁰. В Боливии в начале 2015 г. также приняты декреты, позволяющие осуществлять нефтедобычу в природоохранных зонах со значительным индейским населением³¹.

Сложный феномен политизации этничности, ставящий все новые и новые задачи перед отдельными странами и всем мировым сообществом, следует рассматривать в контексте глобальных процессов, стремительно разрушающих такие, казалось бы, незыблемые ценности, как национальные интересы и государственный суверенитет. Взрыв этничности — своего рода защитная реакция региональных и локальных культур, которые в условиях размывания макрополитического смысла нации более не готовы жертвовать своей идентичностью в пользу суверенитета национального государства, фактически переставшего исполнять свои основные функции. С учетом этой тенденции можно утверждать, что вопреки заявлениям о «конце истории», делавшимся с 1990-х годов, у неолиберальной парадигмы после распада социалистического лагеря появился новый соперник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ T.R.Gurr, M.G.Marshall, D.Khosla. Peace and Conflict 2001: A Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements and Democracy. College Park, 2001, p. 8; M.G.Marshall, T.R.Gurr. Peace and Conflict 2005: A Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements and Democracy. College Park, 2005, p. 28.

² Т.Р.Гурр из 50 этнических конфликтов, имевших место на 1994 г., выделяет 13, в каждом из которых погибли более 100 тыс. человек. См.: T.R.Gurr. Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System // International Studies Quarterly, 1994, № 3, pp. 347—377.

³ R.L.Madri d. The Rise of Ethnopolitism in Latin America. — World Politics, 2008, № 3, p. 480.

⁴ A.Serbín. Etnicidad y política. Los movimientos indígenas en América Latina. — Nueva Sociedad, 1980, № 49, p. 57.

⁵ Мобилизация мапуче в Чили в 1971 г. вошла в историю под названием «El Cautinazo» (по названию провинции Каутин). Подробнее см.: M.Coggea, R.Molina, N.Yañez. La reforma agraria y las tierras mapuches: Chile 1962—1975. Santiago, 2005; и V.Toledo Llancacqueo. La Memoria de las tierras antiguas. Tocando a las puertas del derecho. Políticas de la memoria mapuche en la transición chilena. — Revista de Historia Social y de las Mentalidades, Santiago, 2007.

- ⁶ Дж.Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. — Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994, с. 35.
- ⁷ В.А.Тышков. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003, с. 102.
- ⁸ Дж.Бройи. Подходы к исследованию национализма. — Нации и национализм. М., 2002, с. 203.
- ⁹ М.Хардт, А.Негри. Империя. М., 2004, с. 107.
- ¹⁰ Дж.Комарофф. Указ. соч., с. 48.
- ¹¹ В.А.Тышков. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997, с. 12.
- ¹² С.Сассен. Глобализация или денационализация? — Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, № 9, с. 253, http://www.old.jourssa.ru/2006/CB5/07_Sassen.pdf
- ¹³ Е.Илли, Л.Томасини. América Latina y el nuevo orden económico internacional. Santiago de Chile, 1979, p. 37.
- ¹⁴ См.: С.Г.Кара-Мурза. Демонтаж народа. М., 2007.
- ¹⁵ J.Tomlinson. Globalization and Cultural Identity. — <http://www.polity.co.uk/global/pdf/gtreader2etomlinson.pdf>
- ¹⁶ M.Castells. The Power of Identity. Vol. II. — The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford, 1997, p. 2.
- ¹⁷ Цит. по: S.Mогено Yáñez, J.Fигуероа. El levantamiento indígena del Inti Raymi de 1990. Quito, 1992, p. 62.
- ¹⁸ A.Vон Вертраб. El efecto de la liberalización económica en los pequeños productores de maíz en México. — Comercio exterior, 2004, № 11, p. 758.
- ¹⁹ См.: A.Jанвры, de. NAFTA and Mexico's Maize Producers. — World Development, 1995, № 8.
- ²⁰ Marcha del TIPNIS llega a La Paz en medio de tensión. — Los Tiempos, 28.VI.2012, <http://www.lostiempos.com/diario/actualidad/economia/20120628/marcha-del-tipnis-llega-a-la-paz-en-medio-de-176581-372566.html>; Indígenas expulsan a funcionarios en rechazo a extracción petrolera — Expreso, 26.II.2015, <http://expreso.ec/expreso/plantillas/nota.aspx?idart=7574505&idcat=38473&tipo=2>; 16 pozos de petróleo de Perú están paralizados por protesta indígena. — El Universo, 28.I.2015, <http://www.eluniverso.com/noticias/2015/01/28/nota/4492691/14-pozos-petroleo-peru-estan-paralizados-protesta-indigena>
- ²¹ Цит. по: H.Vелтмeyer. La crisis global y Latinoamérica. — Problemas del Desarrollo, México, 2010, № 160, p. 35.
- ²² С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003, с. 230.
- ²³ См.: M.López Oгореза. Zapatismo en México y la CONAIE en Ecuador: convergencias y divergencias de dos modelos de resistencia contrahegemónica étnica. — Nómadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas, 2010, № 27; F.Escalante Gonzalo. La transición al indigenismo del EZLN. — Tribuna Americana. Madrid, 2004, № 4.
- ²⁴ См.: F.Escalante Gonzalo. Op. cit.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ A.Wарман. Chiapas hoy. — La Jornada, 16.I.1994.
- ²⁷ Интересное сравнительное исследование стратегий EZLN и EPR предлагает мексиканский журналист и исследователь С.Герреро Чипрес. См.: S.Gуеггеро Чипрес. Insurgencies and National Security in Mexico (1993—2003): Political Frontiers, Myth and Hegemony, the Role of the EZLN. Thesis submitted for the degree of PhD. Essex, 2004.
- ²⁸ M.Gонзалез. Autonomías territoriales indígenas y regímenes autonómicos (desde el Estado) en América Latina. — La autonomía a debate: Autogobierno indígena y Estado plurinacional en América Latina. Quito, 2010, p. 36.
- ²⁹ Peña Nieto llama en la ONU a erradicar desigualdad contra indígenas. — Excelsior, 22.IX.2014, <http://www.excelsior.com.mx/nacional/2014/09/22/982954>
- ³⁰ La Reforma Energética traerá desalojos y expropiaciones en 260 municipios, alertan investigadores y senadores. — <http://www.sinembargo.mx/06-04-2014/952404>
- ³¹ Decreto autoriza actividades de hidrocarburos en áreas protegidas. — La Razón, 26.V.2015, http://www.la-razon.com/economia/Gobierno-decreto-autoriza-actividades-hidrocarburos-areas-protegidas_0_2277972210.html